

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 51

1984

Михаил КОТОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

ДОБРОЕ ИМЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 51

Михаил КОТОВ

ДОБРОЕ ИМЯ

ОЧЕРКИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Михаил КОТОВ

Михаил Иванович Котов родился 16 декабря 1914 года в селе Радогощь, на Брянщине, в крестьянской семье. С юных лет выступал в пионерской, юношеской печати, был селькором «Крестьянской газеты», а затем ее специальным корреспондентом. После окончания вуза работал в политотделе МТС на Дону, служил в Особой Дальневосточной армии, долгое время был публицистом «Комсомольской правды».

С первых дней Великой Отечественной войны находился на Юго-Западном, а затем на Южном фронтах, участвовал в обороне Киева и Ростова-на-Дону. После возвращения с фронта находился на руководящей работе в ЦК комсомола, в Союзе писателей СССР, более тридцати лет являлся ответственным секретарем Советского комитета защиты мира. Участник многих международных встреч и конгрессов сторонников мира. За заслуги в борьбе за мир отмечен Всемирным Советом Мира Золотой медалью мира имени Жюлио-Кюри. Награжден несколькими орденами и многими медалями.

М. И. Котов — автор книг о колхозной деревне, молодежи, борьбе за мир и солидарность народов, многочисленных публицистических статей. Вместе с военным корреспондентом «Комсомольской правды» В. Лясковским написал в 1943 году на фронте первую документальную повесть о подпольной комсомольской организации Краснодона «Молодая гвардия» — «Сердца смелых», а позднее книгу «Гайдар на войне» и повесть «Курган» — о подвиге участников боев за Ростов-на-Дону в суровую осень 1941 года. Член Президиума Советского комитета защиты мира, активный деятель движения солидарности стран Азии и Африки. Член Союза писателей СССР.

ПОЭТ-ГРАЖДАНИН

Есть люди, которые с первой же встречи становятся дорогими на всю жизнь. Таким человеком для меня и его бесчисленных друзей в нашей стране и во многих странах навсегда остался таджикский поэт Мирзо Турсун-заде. О нем как поэте создана целая литература. Мне поэту хотелось бы рассказать читателям о менее известном — об его общественной деятельности.

На одной из встреч сторонников мира наш зарубежный гость назвал Мирзо Турсун-заде певцом мира и солидарности. Это действительно так. В летописи борьбы народов за мир и солидарность народов, за свободу и независимость, против ига колониализма навсегда останется его имя, имя человека, который отдавал этому благородному делу все силы и неумную энергию до самого последнего часа своей жизни.

Об этом же выразительно сказал добрый друг и соратник Мирзо Турсун-заде другой большой поэт Николай Тихонов. Вспоминая о своих встречах с ним, он говорил, что Турсун-заде был энергичным защитником мира. Этой теме он посвятил лучшие страницы своего творчества.

— Недаром, — вспоминал Тихонов, — когда мы с писательской делегацией пересекли границу Пакистана, чтобы направиться в Лахор на конференцию прогрессивных писателей, первый же пограничник встретил нас стихами великого поэта Азии Икбала и приветствовал Мирзо Турсун-заде как дорогого народному сердцу поэта Востока, как давно ожидаемого гостя.

Напомнил Тихонов и о том, что Мирзо Турсун-заде был вдохновенным оратором. Его голос звучал во многих городах Азии, Европы, Африки. Его видели и на конгрессах и конференциях сторонников мира, и в юрте кочевников, и во дворце раджи, и в бамбуковой хижине, и в глиняной сакле, среди крестьян в деревне за рубежом, среди колхозников на родных полях. Поэт-академик, Мирзо Турсун-заде являлся председателем Советского комитета солидарности стран Азии и Африки со дня его основания. Он одним из первых был удостоен премии имени Джавахарлала Неру.

В течение многих лет мне посчастливилось трудиться бок о бок с этим удивительным человеком.

Впервые я встретился с ним после Великой Отечественной войны. Несколько лет спустя мне приходилось нередко видеться с ним в Союзе писателей СССР, а затем на Кропоткинской, 10, в Москве, где мы трудились, я — в Советском комитете защиты мира, а он — в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Он часто приезжал из Душанбе в столицу по важным поводам, и каждая встреча с ним всегда была желанной. Мы не были с ним фамилльярны, но он сам просил величать его просто «Мирзо». Так его называли многие друзья, его соратники. («Мирзо» — такое имя дал ему отец. Оно значит «грамотный», «умеющий писать»). Приезжая то из родного города, то из-за рубежа, он нес в себе заряд нового, вдохновенного. По натуре он был новатором, не любил рутинность, всегда стремился уловить в высказываниях своих собратьев по литературе и общественным делам, как он говорил, «рациональное зерно».

Мне приходилось часто наблюдать, как Мирзо вел заседания. Он был нетороплив, даже несколько на первый взгляд медлителен, никогда не перебивал оратора и лишь изредка бросал короткие реплики, призывая развить важную мысль, ценное предложение. Его выступления, за редким исключением, были немногословны, но всегда содержательны. Речь его была образна, но это не переходило в красоту. Он сам не раз подчеркивал, что высокие слова надо беречь, и употреблять к месту, и как можно реже к ним обращаться, лишь при важных обстоятельствах.

А ведь он по складу и речи и всей своей натуре был соткан как поэт, любивший живое, образное, яркое слово. Прослушав речь Мирзо, ты невольно задумывался, мысль начинала биться оживленно. Нередко на даче Союза писателей Таджикистана, продолжая добрую традицию С. Айни и А. Лахути, он собирал поэтов, чаще всего молодых, и слушал их новые стихи. Когда беседы заканчивались, он читал свои новые произведения.

Приезжая в Москву, он обзванивал своих близких друзей и, перед тем как закончить разговор, будто невзначай, бросал:

— Кое-что сотворил, если будет желание, приезжай. Угощу новыми стихами, сочиненными в Гиссаре.

И, конечно, его друзья, откладывая все свои дела, ехали к Мирзо. Собирались, как правило, в гостинице «Москва», где он любил останавливаться. В последние годы его жизни он организовывал «задушевные беседы» и чтения на московской квартире.

Беседы, обсуждение стихов затягивались до поздней ночи. Все всегда примечали, что он не был тщеславным, самолюбивым, капризным, как это случалось с его иными соратниками по перу. Он со всем вниманием прислушивался к слову друзей. И даже когда кто-то из нас высказывал замечания, он тут же повторял строки, либо

соглашался, либо приводил доводы, убежденно доказывая, почему он сказал именно так, а не иначе.

Бывая за рубежом вместе с Мирзо, не раз приходилось слышать, как он читал свои стихи в незнакомой аудитории. Он как бы весь преображался. Как правило, он читал стихи на русском, родном таджикском, нередко на фарси и реже в переводе на язык страны, где он пребывал. И всегда поражало, что он легко устанавливал контакт со слушателями.

У Мирзо было бесчисленное количество друзей. Он гордился, что всегда ощущал локоть Расула Гамзатова и Чингиза Айтматова, Камиля Яшена и Николая Тихонова, Зульфийи и Айбека, Кайсына Кулиева и Алима Кешокова, Григола Абашидзе и Максима Танка, многих других поэтов из братских республик. Он вел большую переписку с читателями своих стихов. На литературные вечера Турсун-заде собиралось множество почитателей его таланта.

Его поэзию хорошо знали и знают теперь не только в нашей стране, но и в зарубежных странах, на разных континентах.

В 1967 году мне довелось быть в Судане на конференции солидарности с народами Южной Африки. Мирзо по болезни не смог туда поехать. После окончания одного из заседаний, поздним вечером, в гостинице на берегу Нила состоялась дружеская встреча с группой делегатов. Среди них были известные руководители национально-освободительного движения Анголы Агостиньо Нето и Остров Зеленого Мыса Амилкар Кабрал. Вместе с моим другом, одним из руководителей Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Александром Дзасоховым, мы попросили Нето почитать свои стихи. Он охотно согласился. Читал с упоением, медленно, выразительно.

Один из нас заметил:

— Вы очень чем-то похожи в манере читать свои стихи на нашего друга Мирзо Турсун-заде...

— Что ж, это неплохо. Я рад этому. Великолепный поэт, так и передайте ему... Постараюсь перевести его стихи на мой родной язык.

И когда по приезде в Москву мы рассказали об этом Мирзо, он растрогался.

— Не зря, значит, трудимся... — и, немного помолчав, добавил: — Да, воистину не пропадет наш скромный труд...

В наши дни всем очевидно значение той многотрудной работы, которую вели и ведут многие деятели многонациональной советской культуры, борясь за мир и солидарность народов, участвуя в антивоенных движениях.

Мирзо Турсун-заде гордился своей причастностью к движению народов против угрозы новой войны. Вместе с выдающимися деятелями нашего времени он был участником Вроцлавского всемирного конгресса деятелей культуры в защиту мира (1948 год). На

этом конгрессе было, как известно, принято обращение ко всем людям доброй воли объединиться, чтобы преградить дорогу новой войне. Через год, в апреле 1949 года, Мирзо принимает участие в работе 1-го Всемирного конгресса сторонников мира в Париже, а в последующие годы был делегатом почти всех форумов борцов за мир и солидарность. В Париже он скажет свою знаменитую речь, в которой убедительно объяснит, почему он, таджикский народ, все советские люди выступают за мир (об этом я расскажу подробнее).

После Парижского конгресса в августе 1949 года в Москве состоялась I-я Всесоюзная конференция сторонников мира. На ней был образован Советский комитет защиты мира. Мирзо Турсун-заде вошел в состав Комитета и оставался его членом до конца своей жизни.

Пятидесятые годы, как известно, отмечены массовыми действиями сторонников мира на всех континентах. Это явилось их ответом на проiski агрессивных сил стран Запада. Вспомним знаменитое Стокгольмское воззвание к народам о запрещении атомного оружия. Под этим воззванием поставили свои подписи свыше 500 миллионов людей доброй воли. Одним из первых подписал его и Мирзо Турсун-заде.

С каждым годом все больше и больше стран освобождались от колониального гнета. Нарастало национально-освободительное движение в Азии и Африке. Мирзо Турсун-заде — один из тех, кто выступил инициатором создания общественного движения солидарности. Вспоминаю, как в торжественной обстановке в 1956 году создавался Советский комитет солидарности стран Азии (позднее он стал именоваться Советским комитетом солидарности стран Азии и Африки). На первом учредительном собрании участники заседания единодушно избрали председателем Комитета Мирзо Турсун-заде.

Вслед за этим началась большая, повседневная работа. День за днем проходили встречи с представителями национально-освободительных движений. При активном участии Мирзо Турсун-заде в 1960 году была созвана 1-я Советская конференция солидарности с народами Азии и Африки. Это было важное историческое событие. В ней участвовали в качестве гостей и посланцы народов двух великих континентов. Отягощенный многими заботами, он не оставлял ни на один день своей деятельности и в движении за мир. В выступлениях подчеркивал не раз, что мир — верный союзник освободившихся народов стран Азии и Африки.

— Нет солидарности без мира, как нет мира без солидарности! Чем надежнее будет мир, чем скорее прекратится гонка вооружений, тем скорее мы добьемся освобождения всех стран от империалистической кабалы, — говорил поэт на одном из форумов сторонников мира.

Это было его глубоким убеждением. Именно поэтому он выступал всегда страстным поборником сплочения всех антиимпериалистиче-

ских сил, успешных совместных действий народов в защиту мира. Как радовался Мирзо тому, что он принимал участие в создании международной Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). К каждой поездке на заседания этой организации он тщательно готовился. Его выступления на форумах были весомыми, конкретными, конструктивными.

Движение солидарности вписало немало ярких страниц в дело борьбы народов против американских агрессоров и их пособников. Какой мощный голос протеста прозвучал в дни тройственной агрессии против Египта в 1956 году и агрессии Израиля против арабских стран в 1967 году, во время американского разбойничьего нападения на Вьетнам. Подобно девятому валу, поднялась волна солидарности народов с героической борьбой Вьетнама, Лаоса, Кампучии. Эта солидарность нашла свое отражение в поддержке справедливой борьбы за свое освобождение народов Эфиопии, Анголы, Афганистана, арабского народа Палестины, Ливана, народов Латинской Америки.

Велики заслуги в развертывании массового движения солидарности народов советской общественности и прежде всего Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, который в мае 1981 года отмечал свое двадцатипятилетие. Добрым словом мы вспомнили Мирзо Турсун-заде, стоявшего у истоков создания Комитета.

Он вкладывал в развитие движения солидарности всю свою душу, весь свой талант. Он сражался прежде всего своим пером, своими талантливыми произведениями.

Часто Мирзо спрашивали за рубежом, не мешает ли ему общественная деятельность как поэту. Он отвечал: «Наоборот, она меня обогащает».

Участвуя в форумах и встречах борцов за мир и солидарность, выезжая в разные страны, он создал немало литературных творений, которые вошли в золотой фонд советской литературы. В них отражено все величие духа простых людей, их заветные мечты о мире и свободе, о счастье жить на земле, не зная войн и вражды.

Бывало и такое, когда иные «доброжелатели» упрекали его в том, что он свое творчество превращает в политику.

Друг Мирзо Расул Гамзатов — замечательный дагестанский поэт — в связи с этим вспоминает: «Как-то в столице Ливана, Бейруте, на конференции писателей стран Азии и Африки, когда Мирзо Турсун-заде говорил о героической борьбе Вьетнама против американских агрессоров, о страданиях многих миллионов народов Азии и Африки, представители некоторых стран начали обвинять нас, мол, вы, советские писатели, разговор о литературе и культуре хотите превратить в политику. Тогда встал Мирзо — председатель Советского комитета солидарности с народами Азии и Африки и в то же время известный поэт. Он сказал: «Для меня искусство и политика — друг

от друга неотделимы». Да, для него его поэзия была неотделима от повседневной общественной деятельности. Я уже упоминал, что многие произведения написаны им на темы мира, дружбы народов. Источником для написания их явились встречи с людьми доброй воли в разных странах.

Мирзо считал, что литератор, если он хочет идти в ногу со временем, не должен отрываться от жизни. Размышляя о долге и ответственности мастеров культуры за судьбы человечества, писатель однажды хорошо заметил, что в общественной деятельности «не столько теряешь, сколько находишь. Острее чувствуешь пульс жизни, ее неповторимую особенность».

«Мне довелось объехать многие страны мира, — рассказывал как-то Мирзо Турсун-заде, — и никогда я не бывал в качестве туриста. Конгрессы борцов за мир, международные форумы, где на разных языках звучат идеи свободы, мира, революции — все это обогащает художника новыми мыслями, впечатлениями, рождает широкие обобщения».

Однажды поэта спросили:

— И все-таки, что же вы считаете своей главной темой?

Не задумываясь, он ответил (а позднее написал об этом, когда ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда):

«Главной моей темой была и остается тема свободы. Эта тема представляется мне очень широкой, емкой. Это — все, что связано с высоким и священным словом «революция»... Освобожденный человек — вот главный герой моих стихов. Никогда не устану воспевать свободу, рожденную революцией!».

И он действительно не уставал воспевать во всю силу своего таланта нового, советского человека, рожденного Октябрьской революцией. Он не уставал воспевать человека, обретшего свободу и независимость, разорвавшего цепи колониального господства.

Мирзо Турсун-заде был мягким человеком, он отличался добротой, внимательным отношением к людям, к своим собратьям по перу. Особенно внимателен он был к письмам зарубежных друзей. Не помню случая, чтобы он проявил равнодушие и был безучастен, когда речь шла об оказании помощи заболевшим товарищам. Не стесняясь, звонил в инстанции, к именитым врачам, просил уделить особое внимание нашим гостям, приезжавшим из-за рубежа. Эта черта в нем всегда восхищала.

В работе он был требователен к себе и к своим товарищам. Однажды на одном из литературных встреч его спросили:

— Есть ли у вас стихи, которые вы считаете слабыми? И вообще критически ли вы относитесь к своему творчеству?

— Разумеется, я всегда требователен к своему творчеству. Есть стихи слабые, есть и такие, что я отложил в долгий ящик. — Еще раз перечитал записку, повертел ее в руках, внимательно посмотрел

в зал: — Помнится, однажды такой вопрос был задан на поэтическом вечере превосходному нашему поэту Самуилу Яковлевичу Маршаку. Речь шла о поэзии Твардовского. Если не изменяет память, Маршак на этот вопрос ответил словами Чернышевского из письма к Некрасову: «Есть ли у Вас слабые стихотворения? Ну, разумеется, есть. Почему и не указать их, если бы пришлось говорить о Вас печатно? Но собственно для Вас это не может иметь интереса, потому что они у Вас — не более, как случайности — иногда напишется лучше, иногда хуже...»

Мирзо заулыбался и как бы невзначай заключил:

— Мудрый был старик Маршак. Так что и такое бывает...

Зал оживился. О своих слабостях он не отказывался говорить. Но и был безмерно счастлив, когда его творчество воспринимал благодарный читатель с воодушевлением.

И еще хотелось отметить одну черту поэта. Свою литературную деятельность он начинал в газете. Он много выступал до самых последних дней как публицист. Статьи его были яркими. И речи он любил произносить страстные, запоминающиеся. Над ними много работал, оттачивал каждую деталь, отыскивал убедительные факты.

Я много раз слушал его на конференциях и собраниях сторонников мира. Он редко когда повторялся. Образцом для себя считал Александра Фадеева и Николая Тихонова. Большой поэт, он всегда помнил о своем высоком гражданском долге.

ЭТО БЫЛО В ПАРИЖЕ

Напомню хронику конца сороковых годов, когда события в мире вызвали тревогу всех народов. Прошло немного лет с той поры, как отгремели пушечные залпы Второй мировой войны и в самом логове гитлеровского фашизма в Берлине взвилось Знамя Победы. Народы хорошо помнили Атлантическую хартию, Ялтинское и Потсдамское соглашения, решение создать Организацию Объединенных Наций. Все это вселяло надежду, что после Победы будет обеспечен длительный мир.

Да, народы, испытавшие тяжкие страдания во время войны, весь ужас фашистских зверств, жаждали мира. Они стремились к безопасности, страстно желали трудиться для возрождения своих стран. Верили в светлое завтра.

Надеждам этим, однако, не суждено было сбыться. Империалисты развязали вскоре после 1945 года «холодную войну», стали бряцать атомным оружием, развернули новую бешеную гонку вооружений, создали агрессивный Североатлантический пакт. Началась неслышанная пропаганда подготовки новой, уже ядерной войны против Советского Союза, других стран социализма.

Угроза войны становилась все яснее. И народы стали это сознавать. Международный комитет связи деятелей культуры в защиту мира, созданный на Вроцлавском конгрессе в 1948 году, в котором принимал участие и Мирзо Турсун-заде, Международная демократическая федерация женщин выступили с Призывом созвать в Париже Всемирный конгресс сторонников мира, в котором приняли бы участие представители всех, кто, несмотря на различие политических и религиозных взглядов, готов был объединить свои действия в защиту мира.

Обращая свое слово ко всем демократическим организациям, всем защитникам мира, виднейшие деятели культуры отметили, что в ряде стран печать, радио и политические деятели открыто сеют вражду и ненависть к другим странам и ведут пропаганду новой мировой войны. Вместо сокращения армий и вооружений, чего было бы естественно ожидать после окончания Второй мировой войны, началась безудержная гонка вооружений. В разных концах мира, отмечалось в Призыве, пылают очаги войны, разожженные и поддерживаемые вмешательством иностранных государств, прежде всего США, прямыми действиями их вооруженных сил.

Противопоставить этим силам войны можно лишь одно: решительные антивоенные действия народов. Призывая миролюбивые силы присоединиться к конгрессу в Париже, инициаторы его созыва выражали твердую надежду и уверенность, что повсюду на земле поднимутся сторонники мира. И действительно, за короткий срок,

всего за несколько недель, к конгрессу присоединилось свыше 600 миллионов человек в 72 странах. Возглавивший кампанию подготовки к конгрессу великий французский ученый Жолио-Кюри отмечал, что это превзошло самые оптимистические ожидания и оказалось возможным лишь потому, что Призыв отвечал глубочайшим чаяниям человечества. Под этим Призывом о созыве конгресса стояли подписи и виднейших представителей советской общественности: М. А. Шолохова, А. А. Фадеева, академиков С. И. Вавилова и П. Н. Федосеева; Н. В. Поповой и В. Л. Василевской...

Советские люди всей душой высказались за созыв конгресса в Париже. Уже в феврале 1949 года, после опубликования Призыва, началась подготовка к конгрессу, печатались плакаты и листовки, проходили встречи и митинги в поддержку благородной инициативы.

В состав советской делегации на конгресс вошли представители всех народов, всех слоев населения нашей страны. Таджикскую республику достойно представил Мирзо Турсун-заде.

Во главе инициативной группы по подготовке конгресса стоял Александр Александрович Фадеев. Он каждодневно встречался с делегатами, готовился к докладу. Были предварительно обсуждены возможности выступления на конгрессе членов советской делегации. В их число входил и Мирзо Турсунович. К этому предложению он отнесся с большой ответственностью.

Я, тогда работавший в Союзе писателей СССР, был свидетелем встречи Мирзо с Александром Фадеевым.

— Дорогой Мирзо Турсунович, — заговорил Фадеев, увидев Мирзо, робко входящего в кабинет, — мы очень рады, что вы будете в составе советской делегации на конгрессе. Мы думали и пришли к убеждению: не плохо было бы, если бы вы сказали поэтическую речь.

Мирзо смутился:

— Оратор-то я плохой, Александр Александрович, голос у меня тихий, боюсь, меня плохо будут слушать, — сказал Мирзо.

— Теперь техника голос усиливает во сто крат. Так что пусть это не тревожит, — засмеялся Александр Александрович. — Важно, что будет сказано.

— Вот это и тревожит, что я скажу нового? Будете выступать вы, другие наши именитые ораторы, такие, как Эренбург. Куда мне с ними тягаться...

Фадеев вышел из-за стола, слегка погладил свои седые волосы и, подойдя ближе к Мирзо, ответил:

— Впереди, Мирзо Турсунович, Париж, конгресс, отступить некуда. Положение сложное — нам придется проводить параллельно конгресс и в Праге (части нашей делегации французские власти отказали в визах). А речь вы, наверно, могли бы сказать как поэт: почему мы за мир, и о своем Таджикистане...

Я смотрел на Мирзо и видел, как он внутренне уже уступил доводам Фадеева.

— Так и быть, — ответил Мирзо. — Вы меня убедили. На всякий случай буду готовиться.

— Вот и прекрасно! Уверен, речь будет превосходной! — так же весело заключил Фадеев.

В Париже Турсун-заде внимательно слушал всех ораторов, знаменитую речь Жолио-Кюри, выступление Александра Фадеева. Конгресс продолжался несколько дней. Выступили митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, мать прославленной советской героини-партизанки Любовь Космодемьянская, представительница советских женщин Зинаида Гагарина, сталевар Златоустского металлургического завода Василий Амосов, Герой Советского Союза Алексей Маресьев, Илья Эренбург, комбайнер Константин Борин, учительница Чимназ Асланова, академик Вячеслав Волгин...

Шел уже пятый день конгресса. Мирзо в перерыве подошел к Фадееву и негромко сказал:

— Наши ораторы было недостаточно. Все говорили отлично. Я думаю, что мое выступление уже будет излишним, как вы считаете Александр Александрович?

— Все наоборот, — ответил Фадеев. — Как раз сегодня будет день поэтов. Будут говорить Пабло Неруда, Луи Арагон и Мирзо Турсун-заде. Так что готовьтесь, — предупредил Фадеев.

Началось послеобеденное заседание. Его открыл Жолио-Кюри. Он объявил:

— Слово имеет известный советский таджикский поэт Мирзо Турсун-заде.

От неожиданности Мирзо вздрогнул. Он заторопился к трибуне.

За свою жизнь он сказал много речей. Они были самые разные. Перед любой аудиторией, будь она большой или маленькой, он чувствовал ответственность. Выходя на трибуну, он улавливал настроение слушателей. Хотя Мирзо и не обучался ораторскому искусству, но знал, что сказать надо что-то новое, доселе неизвестное слушателям. Часто прибегал к сравнениям, пословицам, ссылался на выдающихся поэтов, ученых, умел делать краткие, но выразительные обобщения.

Как-то спросили его, какое из своих выступлений он считает самым трудным и самым незабываемым, он, не задумываясь, ответил:

— Это было в Париже, на Конгрессе борцов за мир...

Мне остается напомнить об этом выступлении спустя много лет.

Мирзо Турсунович начал свою речь просто, незамысловато, как бы приглашая делегатов конгресса на доверительный разговор, и это сразу привлекло внимание к оратору.

— Полтора года назад, возвращаясь из Индии, я остановился в Тегеране, — начал речь Мирзо Турсунович. — Площадь ..., на которой

расположено здание Иранского парламента (меджлиса), целиком асфальтирована, приведена в порядок по западному образцу. Но вот я увидел, как рослый палач нажал какую-то кнопку, — асфальт раздвинулся, и на поверхности площади появились... виселицы. На них повесили иранских демократов, голодных крестьян, просивших хлеба. Казнь кончилась, и виселицы снова исчезли под землей, а площадь приняла благообразный вид.

В зале Плейель стало тихо. Оратор, как бы сливаясь с настроением аудитории, ужаснулся этой картиной казни, поглядел в зал:

— Кровь прилила к моей голове, — продолжал он, — затуманила мозг, в глазах стало темно... Я вспомнил, как палачи бухарского эмира так же расправлялись с моими соотечественниками. Я еще молод, но наш старейший писатель Садриддин Айни, спина которого исполосована по приказу эмира палочными ударами, красочно написал об этом в своих книгах. Он писал об огромных топорах бухарских палачей, о зверских избиениях, отрезанных носах и ушах... Я думал, что мне, как и всем советским людям моего поколения, уже не доведется увидеть своими глазами такие казни... И вот сейчас я увидел их в Тегеране.

Мирзо снова пристально посмотрел в зал и, убедившись, что рассказанная история привлекла внимание делегатов, как бы прокомментировал ее:

— Правда, «техника» далеко шагнула вперед — вместо топоров — электричество. Очевидно, это изобретение — подарок английских и американских империалистов, уплата за выкачанную ими для себя иранскую нефть... Конечно, такой «техники» у нас нет. В наших советских республиках Востока на полях мощные тракторы. Лишь за горами, в Хайдарабаде, в Индии я видел деревянный омач, сданный нами, таджиками, давно в музей.

На территории Таджикистана, где до Октябрьской революции не было ни одной фабричной трубы, теперь высятся оборудованные передовой техникой заводы. А на зарубежном Востоке — механизированные виселицы, кричащие рекламы магазинов, продающих всякую импортную дребедень, и кустари в жалких лачугах, работающие инструментами времен Кира и Тамерлана. Такова пресловутая цивилизация американской тысячи семейств... Вот почему мы за мир, за подлинную народную демократию, — заключил Мирзо Турсун-заде.

Он исподволь посмотрел в президиум, увидел аплодирующего Александра Фадеева, понял, что речь идет в нужном русле.

— ...Я вспоминаю такое спортивное состязание в Калькутте: группа «цивилизованных» джентльменов уселась в коляски, впрягла в них индусов и, погоняя их бичами, устроила скачки — кто из рикш выносливее и быстрее? Самый быстрый рикша не вынес сомнительной радости победы — и тут же умер от разрыва сердца.

Смахнув платком выступивший на лбу пот, он как бы мысленно перенесся в свои родные края:

— Конечно, у нас нет такого спорта, такого рода состязаний. Наш спорт закаляет здоровье молодежи, показывающей свое мастерство в гимнастике, шахматах, спортивных национальных играх. Такова культура наша и культура империалистов. А они еще смеют говорить о культурной отсталости народов Советского Союза! Мы не допустим у себя такого варварства, которое допускают вооруженные с головы до ног цивилизаторы в колониальных и полуколониальных странах Востока. Вот почему мы за мир! — снова воскликнул оратор.

Голос Мирзо Турсун-заде зазвучал звонче, когда он стал рассказывать о счастье своего родного народа, об облике сегодняшней цветущей Советской республики Таджикистан. Он говорил о том, что воин-таджик, дошедший в рядах победоносной Красной Армии до поверженного Берлина, вернувшись на родину, строит в плодородных долинах и горах Памира электростанции, чтобы ему жилось светлее, проводит новые каналы, чтобы превратить в сады древние пустыни, выращивает хлопок, чтобы быть богатым, а в душе его живет священное беспокойство, стремление так преобразить землю, чтобы на ней человеку жилось легко и радостно. Он думает не о войне, а о цветущем мире, и вот почему он за мир...

— Как похоже на жизнь зарубежного Востока наше прошлое и как противоположно ей наше настоящее! Произошло это потому, что мы знаменем своей судьбы сделали дружбу с нашим старшим братом — великим русским народом.

В зале вспыхнули аплодисменты. Оратор продолжал говорить о том, что ожидало бы его страну, если бы распространилось гнилое влияние и «помощь» колонизаторов. Эта судьба была бы поистине трагичной, от такой судьбы нас охраняет наша тесная дружба с другими братскими народами Советского Союза... И он напомнил, в чем выражается это братское сотрудничество. Наша мирная созидательная жизнь кипит ключом. Русские инженеры учат узбекских ирригаторов, бурильщики Азербайджана учат наших нефтяников, наши таджикские хлопкоробы-мастера делятся опытом с украинскими колхозниками. Нет у нас места национальной вражде и распре. У нас нет, как в Америке, отдельных гостиниц, трамваев для негров — все люди всех рас у нас равны и одинаково пользуются всеми благами культуры, всем, чем богато наше государство — истинное государство, владыка которого — сам народ. Напомнил оратор и о том, что таджикский народ впервые за долгие века обрел покой и возможность мирного созидательного труда. Ему на протяжении многовековой истории пришлось испытать много разрушительных набегов различных завоевателей, и, если бы не Октябрьская революция, не помощь русского народа, народ Таджикистана мог бы исчезнуть с лица земли...

Этот рассказ о своей родной республике Мирзо заключил словами:

— Это потому, что мы за мир, за демократию, против войны!

Оратор напомнил далее о том, что обозленные колонизаторы делают вид, что не замечают наших успехов, называя таджиков и другие народы Страны Советов «ничтожными» племенами. Однажды с этой гнусной клеветой выступил в английской палате некий невежда Грехэм.

С трибуны конгресса сторонников мира в Париже Мирзо Турсунзаде обратил весь свой гнев против поджигателей войны, новоявленных человеконенавистников.

— Во-первых, всем таким грехэмам нужно сказать, — суровым голосом произнес оратор, — что на древнем языке этого «ничтожного» племени писал Омар Хайям, столь популярный в англосаксонском мире, писал великий Фирдоуси, автор бессмертной «Шахнаме», на этом языке написаны гениальные произведения литературы и науки.

Во-вторых, надо сказать тому же Грехэму, что в те дни, когда он произносил эти возмутительные слова, наши воины-таджики принимали участие в освобождении Европы от фашистов. Сыны Таджикистана, бежавшие из фашистских лагерей, участвовали в отрядах французских партизан, о чем мы с гордостью услышали в свое время по радио и прочли в газетах. Это показывает передовое сознание наших людей, знавших, что, борясь за освобождение Франции от фашистского ига, они борются за прочный мир для всех народов. Я не могу и не хочу забыть, что и мои соотечественники, таджики, участвовали в освобождении Франции, в прекрасной столице которой мы сегодня находимся. Так мы, таджики, доказали, что мы за мир, за демократию!

Председательствующий Жолио-Кюри закивал головой, заплодировал. Его дружно поддержали все делегаты. Мирзо Турсунзаде выпил глоток воды. Чувствовалось, что голос его от напряжения начал уставать. Собравшись с силами, он продолжал:

— Париж долгое время называли столицей Европы. Действительно, здесь впервые раздались звуки «Марсельезы», гимна революции, — этим нам дорог Париж...

Почему прогрессивные люди различных стран, все, кто трудится и создает ценности, объединились в едином движении за мир?

Да потому, что мир — это возможность работать и жить, дружить и учиться, растить детей, любить и быть любимыми, быть счастливыми и пользоваться всеми благами земли. Вот почему мы за мир!

Оратор как бы продолжал размышлять вслух с высокой трибуны об источнике напряженности в мире. Он напомнил, что таджики любят плоды граната. Но какая польза нам от сладчайшего граната, если его сторожит злая собака? Этот чудеснейший плод теперь ассоциируется в сознании людей, отравленных военной пропагандой, с гранатой,

разрушительным оружием. Какое кощунство над природой, над лучшим, что она создает!

Почему реакционеры и империалисты против мира? Потому, что мир, укрепляя народы, не дает захватить их в свои лапы, потому, что цель империалистов — разорить, разоружить трудящихся, вставших на защиту своих интересов, за право жить счастливо, потому что война поддерживает существование королей пушек, атомщиков и долларовых магнатов.

Война противоестественна и чужда природе современного человека. Только звери в образах людей, дегенераты и циники, реакционеры всех мастей могут снова призывать к войне, когда еще не высохли слезы матерей во всех странах, когда еще не зажили раны, не изгладилась память о разрушениях и бедах. Матери рожают своих детей для счастья на земле, созидательной жизни, а не для того, чтобы они превратились в пушечное мясо.

— Народы мира не хотят войны! — воскликнул оратор под бурные аплодисменты зала.

Речь Мирзо Турсун-заде была не только страстной, но богатой по глубине мысли, по насыщенности примерами и фактами. И это ощущал он сам по тому, какая была реакция в зале.

Конец речи поэта был выразительным, как и вся речь:

— Таджикский классик Сайидо Насафи сказал, что народ подобен величавой реке, а тот, кто идет против этой реки, гибнет в водовороте. Пусть в эти слова хорошо вдумаются враги народов — поджигатели войны. Те, кто добивается войны, бесспорно, погибнут в ими же затеянной войне. Они погибнут потому, что велико могущество народов, желающих мира во всем мире.

Вот почему мы за мир и почему мы призываем всех бороться за мир, против войны, за демократию!

Провожаемый горячими аплодисментами, Мирзо Турсун-заде направился к месту, где разместились советская делегация. Он шел медленно, лицо его сияло. Он, судя по всему, сознавал, что исполнил свой долг, сказал не только самое заветное, но выразил думы и чаяния, чувства всех тех, кто его послал на конгресс в Париж.

Навстречу Мирзо быстро, почти бегом устремилась черноволосяя девушка, покрытая шелковым белоснежным платком. Мирзо остановился как вкопанный и немного даже растерялся. Девушка проворно сняла платок с головы и повязала его на шею Мирзо. Зал снова загудел, тут и там раздавались слова одобрения. Они стояли друг против друга молчаливо. Это была девушка из борющегося Вьетнама. Она приехала в Париж нелегально. Передавая свой платок советскому делегату, она выражала чувства солидарности с народом Страны Советов — верным и надежным другом Вьетнама.

Мирзо потом не раз рассказывал, что готов был стать на колени перед девушкой из Вьетнама. После окончания заседания его

оружили друзья — члены советской делегации, — ему жали руки делегаты из других стран. Подошел руководитель нашей делегации Александр Фадеев. Пожимая руку Мирзо, он сказал:

— Мирзо — счастливый человек! Он своей поэтической речью покори́л сердце и вьетнамской девушки... — Фадеев засиял и тут же с укоризной добавил: — Что же вы, Мирзо Турсунович, сробели. Надо было поцеловать красавицу. Но раз растерялся, неплохо было бы послать ей цветы.

— Вот это правильно! — поддержали Фадеева.

Быстро приобрели букет роз. Стали разыскивать девушку. Но было уже поздно. Ее не могли найти. Мирзо держал в руках розы и, как бы оправдываясь за допущенную оплошность, говорил:

— Но я все равно ее разыщу. Я напишу о ней стихи. Они найдут ее...

О платке девушки из Вьетнама Мирзо рассказывал на конференции советских сторонников мира. Он говорил об этом не раз и в беседах с друзьями.

И стихи вскоре были написаны. Их перевел Николай Тихонов. Они теперь известны под названием «Два платка». Первый платок подарила Мирзо девушка-таджичка, которая прошла с ним всю жизнь, став матерью его детей. Другой, похожий на него, он получил из рук в Париже, во дворце Плейель, на конгрессе борцов за мир от девушки Вьетнама.

И сегодня, спустя много лет, когда нет в живых и автора стихов и его переводчика — друга Мирзо Николая Тихонова, нет и Александра Фадеева, вдохновлявшего поэта на создание поэмы о встрече в Париже, невольно приходят на память строки:

...В столице родины, Москве, недавно вспомнил я —
На конференции за мир — далекие края,
Тот белый маленький платок, вьетнамские поля.
Искал я тщетно среди гостей: где девушка моя,
девушка Вьетнама.

В лесах ли Банбо, может быть, идет она, смугла!
В долинах Намбо иль в горах Терумбо, весела,
В Сайгоне ли, в Хайфоне ли, где доки, как скала,
Свободы знамя, знаю я, высоко ты несла,
девушка Вьетнама.

Огонь на белом том платке еще алей сейчас,
И знамя реет, как призыв за мир встающих масс,
В одну семью в борьбе за мир объединя нас.
Тебя храним мы; ты, борясь, хранишь нас в этот час,
девушка Вьетнама.

Нам небо нужно, чтоб звезда светила с высоты,
Земля нужна, чтобы полям хватало широты,
Воронки, рвы, развалины нам не нужны, темноты,—
За это встала на борьбу и с нами будешь ты,
девушка Вьетнама.

И скоро белый свой платок ты, победив в бою,
В бою за мир, отдашь тому, кто знал любовь твою,
Отдашь под пальмой в счастья час в своем родном краю
Как наши девушки, ты будешь растить семью свою,
девушка Вьетнама!

Этим стихам была уготована долгая жизнь.

НА РАЗНЫХ ШИРОТАХ

Перелистывая свои отрывочные, порой очень короткие записи разных лет, я все чаще на желтеющих страницах встречаю многие знакомые имена, в том числе и доброе имя моего друга. Записи по разным поводам то ли в Москве, то ли за рубежом: в Дели или Каире, Варшаве или Берлине, в Хельсинки или в Стокгольме, на разных широтах и меридианах. Эти записи невольно воскрешают в памяти незабываемые встречи, поездки на форумы борцов за мир и солидарность деятелей культуры.

И снова передо мной предстает образ вдохновенного поэта.

В пятидесятые годы, после Парижского конгресса, в невиданных масштабах развернулось всемирное движение сторонников мира. Это было логическим следствием нарастающего стремления народов отвести угрозу нового военного пожара.

Помнится, как, подводя итоги 1-го Всемирного конгресса сторонников мира, по приезду в Москву Александр Фадеев, обращаясь к членам делегации, горячо призвал включиться в повседневную работу по претворению в жизнь рекомендаций конгресса. Он сообщил тогда о принятом решении созвать в Москве конференцию советских сторонников мира, имея в виду избрать на ней и Советский комитет защиты мира.

По инициативе группы видных представителей советской общест-венности, в числе которых был и Турсун-заде, в августе 1949 года в Москве собралась 1-я Всесоюзная конференция сторонников мира. 1200 делегатов прибыли на нее со всех концов нашей страны. Там были представлены рабочие, колхозники, ученые, писатели, художни-ки, посланцы всех слоев населения страны. Таджикскую делегацию возглавлял Турсун-заде. Николай Тихонов выступил на конференции с докладом. Он, а затем все выступающие ораторы горячо поддержали призыв Парижского конгресса совместными усилиями преградить дорогу поджигателям новой войны. На конференции был создан Советский комитет защиты мира. В его состав вошли представители всех республик и областей страны, люди разных профессий, возрастов, общественного положения. На первом пленуме Комитета по предложению Александра Фадеева председателем Комитета единодушно был избран Николай Тихонов.

После пленума, поздравляя Тихонова, Турсун-заде, пожимая его руку, сказал:

— Мы с вами теперь в одной упряжке (он вошел в состав Комитета), эксплуатируйте нас побольше. Мы всегда вас поддержим!

— Ловлю на слове!

И он тут же поинтересовался, как идут дела с поэмой о вьетнамской девушке.

Мирзо сообщил, что усиленно работает и надеется, что скоро придет поэму для перевода на русский язык.

— Ну вот и началась наша совместная творческая работа и борьба за мир, — заключил Тихонов.

...И действительно, начались годы нашей совместной работы в движении за мир. Вспоминается, какой неугомонной, кипучей была деятельность членов Комитета, в том числе и Турсун-заде. Этого требовала и сама международная обстановка.

1950 год был годом, когда после Парижского конгресса широким фронтом развернулось антивоенное движение. Из Стокгольма, с сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, прозвучало воззвание о запрещении атомного оружия как оружия устрашения и массового уничтожения людей и объявлении военным преступником правительства, которое осмелится первым применить это оружие.

Я перелистываю страницы записей тех лет, и передо мной вновь возникает яркая картина поистине самоотверженной борьбы советских людей в защиту мира; в проведение многих миролюбивых акций вносил свою большую лепту и Мирзо Турсун-заде.

Шли годы. Мирзо Турсун-заде — активный участник движения за мир. Он часто выезжает за рубеж, он создает яркие произведения о мире.

Мне не раз приходилось видеть, как действовал Мирзо Турсунович, как вел диалог с друзьями и недругами. В 1952 году, в Вене, состоялся Конгресс народов в защиту мира. В его работе принимала участие делегация советской общественности, возглавляемая Александром Корнейчуком. Вот одна из моих записей тех дней:

«Вместе с Мирзо Турсун-заде встретились с членами индийской делегации. Среди индийских друзей был писатель Мулк Радж Ананд. Он познакомил нас с молодой миловидной женщиной Матаджи. «Судьба этой девушки интересна. О ней можно писать поэму», — сказал Мулк, обращаясь к Мирзо. Тот попросил рассказать историю девушки. Кратко она выглядела так. Девушка стала сиротой. Отчаявшись, потеряв веру во все, решила искать правду на земле. Отправилась в Лахор, а затем в Кашмир. И всюду она видела бесчестье и нищету. В конце концов она решила уйти в горы, уединилась в высокогорном храме. Целыми днями, сидя на барсовой шкуре, молилась богу. Но и всевышний не приносил ей счастья. А в Индии менялась жизнь, пробуждался народ. Девушка решила спуститься с гор на землю. В народе пошел слух о ней как о святой. Вскоре она встретилась с людьми, собиравшими подписи под воззванием о мире. Это стала делать и Матаджи. Она собрала тысячи подписей. Ее включили в делегацию Индии, ехавшую в Вену на Конгресс народов в защиту мира. И вот она, «святая девушка», сидит перед нами. Мирзо пристально смотрит на нее, спрашивает, казалось бы, о простых вещах, как она чувствовала себя в горах, кто ее окружал, как

питалась, как родилось у нее желание найти правду жизни, почему она решилась собирать подписи о мире. Девушка охотно рассказывала о себе. Это был удивительный рассказ. И когда мы прощались, Мирзо сложив руки, приветствовал ее по-индийски. Он пригласил «святую девушку» приехать в Таджикистан. Судя по всему, в нем зажегся огонь вдохновения: он захотел написать о молодой индийской стороннице мира. Мулку Радж Ананду Мирзо сказал:

— Благодарю, друг, за то, что познакомил с красавицей, которая станет, наверное, моей героиней в новой поэме».

Свое обещание Турсун-заде выполнит. Впоследствии он напишет свою знаменитую поэму «Святая девушка». В ней он, как правильно отмечали критики, как бы возвышает образ индийской девушки, ставшей символом протеста против колониализма, борцом за свободу и мир.

Позже, встречая Мулк Радж Ананда, я слышал его одобрительный отзыв о поэме:

— Прекрасно, прекрасно написал Турсун-заде об индийской стороннице мира...

Поездки за рубеж, встречи с друзьями на разных широтах, участие в форумах мира не оставались для него бесследными. Его все больше и больше захватывала тема мира, тема единения людей самых разных взглядов и убеждений против военной опасности.

...Так много вдруг я увидел друзей
Земли советской, родины моей,

Борцов за мир на времена времен,
За счастье всех народов и племен,
Врагов войны, борцов за торжество
И славу человечества всего.

И те борцы любовью к нам сильны,
Любовью к нам, как сталь, закалены.

Назло врагам теперь еще плотней
Вокруг нас выросло кольцо друзей.

«Мир в мире навсегда!» — мы говорим.
Могучий лагерь наш непобедим.

Мы верим во всемирную весну!
Мы ведаем — мир победит войну!

Эти стихи были написаны после 2-го Всемирного конгресса сторонников мира в Варшаве. Они как в зеркале отражают настрой души поэта, явились своеобразным его манифестом.

Всюду, где бы ни был Мирзо, на каких бы широтах и меридианах, он не переставал страстно возвышать свой голос в защиту мира.

КРАСИВАЯ ДУША

Этих людей связывала необыкновенная дружба. Я бы сказал больше: они всегда открыто выражали симпатии друг другу. Каждая встреча их носила душевный характер. Они не раз вместе выезжали в различные страны. Особенно неизгладимое впечатление оставила первая совместная поездка Николая Тихонова, Мирзо Турсун-заде, узбекского писателя Айбека и Анатолия Софронова в Афганистан и Пакистан в конце сороковых годов. Три недели провели они на пакистанской земле. Как рассказывал мне Николай Семенович, там он хорошо узнал Мирзо. Он оказался на редкость сердечным человеком, который притягивал к себе людей как магнитом. Его душевные беседы с новыми друзьями, особенно с поэтом Фаизом, чтение стихов в самых различных аудиториях вызывали всегда восторг. Мирзо знал отлично фарси, несколько других языков. Это позволило ему глубже познать чувства и настроения людей, с которыми приходилось общаться. И когда он читал свои стихи, слушатели воспринимали их и без перевода. Поездка в Афганистан и Пакистан оказалась для Мирзо и Тихонова исключительно плодотворной.

Из Москвы, как правило, раздавались звонки в Душанбе. Появляясь на Кропоткинской, 10, в Комитете, после недолгих отлучек, Тихонов осведомлялся о Мирзо. И наоборот, бывало, в поздний час на московской квартире Тихонова, а то и в Комитете, слышался тихий, протяжный, мягкий голос Мирзо:

— Дорогой Николай Семенович, Таджикистан интересуется, как ваше здоровье, как здравствует семья Тихоновых?

И в ответ раздавался звонкий голос Тихонова:

— Мирзо, дорогой, в Москве не хватает тебя, нашего всесоюзного соловья, приезжай, уже давно не виделись. А пока подымаем добрую чарку за Мирзо, за твое большое семейство, за братский Таджикистан...

Мне не раз приходилось быть свидетелем подобных душевных телефонных бесед друзей.

Когда после 1-й Всесоюзной конференции сторонников мира в стране создавались комитеты защиты мира, Мирзо пригласил Тихонова поехать в Таджикистан и выступить на республиканской конференции. Тот, к сожалению, поехать не мог. И как же он был обрадован сообщением, что председателем Комитета защиты мира Таджикистана избран Мирзо Турсун-заде.

«Значит, дело пойдет успешно», — удовлетворенно сказал Тихонов. Он тут же написал письмо в Душанбе с пожеланиями успехов в совместных трудах на поприще защиты мира.

И дело действительно пошло успешно. Впоследствии Турсун-заде возглавил, как я уже упоминал, созданный Советский комитет

солидарности стран Азии и Африки. Естественно, каждодневно возникало немало сложных вопросов. Проводились конгрессы, конференции, встречи сторонников мира. Мирзо не раз возглавлял делегации, выезжавшие за рубеж. И каждый раз появлялись все новые и новые проблемы. Друзья советовались друг с другом, обменивались мнениями, как лучше провести то или другое начинание. Почти на всех советских конференциях сторонников мира Мирзо возглавлял таджикские делегации. Нередко с трибуны Колонного зала звучала его страстная речь. В октябре 1950 года в Москве состоялась 2-я Всесоюзная конференция сторонников мира. Она проходила в канун 2-го Всемирного конгресса сторонников мира. С докладом на конференции выступил Николай Семенович Тихонов. Мы сидели с Мирзо рядом в президиуме. Тихонов в докладе подвел итоги кампании по сбору подписей в нашей стране под знаменитым Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия. Он гневно говорил о поджигателях войны, разоблачал новоявленных претендентов на мировое господство. Докладчик призывал советских сторонников мира умножить свои усилия в борьбе за мир. Делегаты бурно приветствовали Тихонова. И когда он сел за стол президиума, Мирзо не преминул послать ему записку: «Я не знал, что и проза может быть вдохновенной и поэтической! Превосходно! Поздравляю!»

Тихонов прочитал записку, улыбнулся и вскоре передал ответ: «Надеюсь, наш Мирзо подтвердит это в своем выступлении».

Тихонов явно приглашал Мирзо выступить на конференции, хотя тот и не собирался этого делать. Но теперь уже не выступать было нельзя. Вскоре председательствующий предоставил слово Мирзо. Он заговорил о своем родном Таджикистане, где, как и во всей Стране Советов, ощутимо благотворное воздействие миролюбивой советской политики. Делегаты слушали оратора с вниманием. А Мирзо со всей поэтической страстностью, просто и образно рассказывал, как там, где ранее были пустынные земли — в Вахшской долине, в преддверии Гиссара, на выжженных солнцем солончаках, — теперь созданы житницы хлопка, фруктов, огни великих строек освещают Таджикистану путь вперед. «Чем больше мы строим, тем становимся непобедимее, тем ярче наши огни — огни коммунизма — сияют для трудящихся всего мира!», — воскликнул Мирзо.

Он рассказал о своем пребывании в Индии, Пакистане, Иране. Он увидел другой мир — мир нищеты и несправия, оставленный колонизаторами.

— Но я видел и другое. Везде — в жалких лачугах, в заводских кварталах, на пашнях — я видел лозунги, призывающие к борьбе за мир, везде простые люди стоят за мир и солидарность.

Речь Мирзо Турсун-заде была встречена делегатами с большим одобрением.

Тихонов и Мирзо были близки и по духу своего творчества. О том, какой характер носила эта творческая дружба, можно судить по двум эпизодам, о которых я и хотел бы рассказать.

В известной поэме «Дорогая моя» Мирзо Турсун-заде провозгласил своеобразный манифест своей жизни.

Мирзо часто уезжал из дома, подолгу бывал в Москве, в различных районах нашей страны, исколесил немало дорог в зарубежных странах, выполняя свой долг посланца советских борцов за мир и солидарность. Объясняя эту необходимость покидать часто родной очаг, близкий и дорогой его сердцу Душанбе, свою республику, он говорил, что ему, как воздух, надо всегда видеть друзей — целый мир, весь свет. Объясняя это свое неустанное стремление, он нередко ссылался на виднейших поэтов Востока, которые страстно любили путешествовать, чтобы во всем многообразии познать мир. Как-то речь зашла о Николае Константиновиче Рерихе, и Мирзо с восхищением сказал:

— Вот кого я хотел бы увидеть, да и сына его. Браню себя, что, бывая в Индии, не побывал в его краях.

И мне невольно вспомнились знаменательные слова великого русского путешественника, ученого, художника. Однажды, обращая слова из старинной индийской книги к деятелям культуры, он заметил, что они называют себя воинами. Они сражаются за благородную добродетель, за высокие стремления, за высшую мудрость, именно за это они называются воинами.

Как бы в унисон словам Рериха, Турсун-заде объясняет, почему он отдает все душевные силы служению благородному делу мира: «без мира и у солнца нет тепла, и гаснет радость от дыхания зла, и гибнет, искалечена войной, неповторимость красоты земной».

В поэме «Дорогая моя» Мирзо Турсун-заде с восхищением рассказывает о своих близких друзьях, о встречах с ними. В этом находит выражение его великое человеколюбие, его гуманизм, глубочайший интернационализм. Он рассказывает в поэме о тех, кто живет с думой о мире, кто честно отстаивает право на жизнь на земле.

Запомнилась одна из многих встреч в Подмосковье, в писательском городке Переделкино, на даче у Николая Семеновича, с приехавшим в Москву Мирзо Турсун-заде. Он позвонил Тихонову, как это всегда делал, приезжая в столицу. Тот пригласил его в гости.

Тихонов попросил и меня приехать вместе с Мирзо. По дороге в Переделкино он был задумчив, малоразговорчив. Я понимал, что он волнуется. Сказывалась еще болезнь (он долгое время находился в больнице).

И вот мы в Переделкино. Идем медленно по ухоженной дорожке к даче. Почти у самых ворот нас встречает Николай Семенович. Широко раскинув руки, сияющий, он заключает в объятия гостя. Они минуту-другую постояли друг против друга, довольные тем, что снова

встретились после долгой разлуки. Тихонов пригласил гостей в дом. Сначала, как всегда, было застолье. Мария Константиновна — жена поэта, питавшая большие симпатии к Мирзо Турсун-заде, усадила его рядом с собой. Человек радушный, она любила дорогих гостей встречать хлебосольно. Хозяйка дома увлекалась поэзией, могла наизусть читать стихи многих поэтов: и классиков и современников. Внимательно она следила за творчеством и Мирзо Турсун-заде, считая его одним из талантливых поэтов многонациональной советской литературы.

— Мой дорогой Мирзо! — привстав, заговорил Тихонов. — Вот и снова мы вместе, вот и снова мы как бы продолжаем наше путешествие.

Беседа была душевной, тамада много шутил, вспоминал дни совместной поездки в Афганистан, Пакистан, Индию.

Мария Константиновна попросила гостя прочитать стихи. Мирзо застенчиво сказал, что на этот раз будет читать из нового цикла лирики.

— Вы уж не обессудьте, переводы еще не закончены, — предупредил Мирзо.

— Дорогой мой, не скромничай и начинай читать, представь себе, что ты у себя дома, за рабочим столом...

— Итак, я прочту вам фрагменты новой поэмы...

— Вот это уже мужской разговор... — заметил Николай Семенович.

— А как поэма называется? — спросила Мария Константиновна.

— Думаю назвать «Дорогая моя», — ответил Мирзо. — Это моя исповедь.

— Начало хорошее, — сказала хозяйка дома.

Мирзо читал тихо, размеренно, временами приподнимая вверх руки, глаза его становились как бы выпуклее. Я смотрел на него и понимал, что поэт еще внутренне не успокоился. Он был чем-то озабочен. Лицо его нахмурилось. И по мере того как он читал свои стихи, Тихонов не раз, слегка покачиваясь на стуле, заметно выражал одобрение новому творению друга.

Но вот поэт на минуту смолк, прервав чтение и повернув голову в сторону Тихонова, а затем сказал:

— А теперь пойдет речь о хозяйке дома.

Чуть повысив голос, он продолжал рассказывать о встречах с Николаем Тихоновым, как с давних пор дружить учился у него, как поездил с ним по земле большой, о путешествии по Пакистану, о встречах с разными людьми, о том, как он увидел людское горе, как провел вместе с Тихоновым ночь в афганской кибитке. Они долго тогда не могли заснуть, размышляя о радости встречи с простым афганским тружеником, мечтающим о счастье своего народа.

И когда Мирзо закончил чтение, все, слушавшие его, зааплодировали. Николай Семенович вышел из-за стола, обнял его:

— Это настоящая поэзия, дорогой мой!— заговорил Тихонов.— Сколько ярких находок, обобщений, афоризмов!

У Николая Семеновича была превосходная память, и он начал цитировать поэта.

— Великолепно! — закончил Николай Семенович.

И долго еще продолжался оживленный разговор. Тихонов вспоминал о незабываемом путешествии с Мирзо, хвалил его за то, что в поэме правдиво рассказал о наших друзьях.

— Мы еще побываем у афганцев. У этой прекрасной страны будет свое радостное будущее...

Тихонов не любил выпрєнных слов. Но сейчас, под впечатлением услышанного, он заговорил о том, что народам Афганистана и Пакистана, как и всего Востока, всей Азии, предстоит еще тяжелая борьба за свободу и независимость. И это прекрасно передал в своей поэме Мирзо. Вспоминая этот давний разговор в Переделкино, я подумал, как далеко смотрели вперед два замечательных поэта. В наши дни народ Афганистана с помощью Советского Союза обрел свою свободу и независимость.

Был уже поздний час. Наша встреча подходила к концу. Тихонов провозгласил тост за большой талант своего друга, за его новую творческую победу.

— Только есть один недостаток в поэме,— шутливо заметил Тихонов.— Много места отведено моей персоне. Не сократить ли это место? — лукаво прищурич глаза, обратился Тихонов к Мирзо.

— Тогда и не будет поэмы,— решительно отрезал тот.

— Ну, что же, автору виднее. Оставим это на его совести,— заключил Николай Семенович.

Мы уезжали из Переделкино поздней ночью. Я видел, как был счастлив Мирзо. Его опасения оказались напрасными. Поэма осчастливила его друга и всех, кто слушал Мирзо Турсун-заде в тот незабываемый вечер. Помню, как не раз Тихонов возвращался к поэме. Он пристально следил за творчеством Мирзо. Я уже упоминал о том, что он переводил его стихи на русский язык.

Не могу не вспомнить и о том, как в канун пятидесятилетия Мирзо Турсун-заде Тихонов позвонил мне:

— Как будем отмечать юбилей нашего друга? Что бы нам придумать поинтереснее?

— Я думаю, что самым радостным для него будет, если вы напишете о нем стихи,— ответил я не задумываясь.

— Что ж, идея заслуживает внимания,— сказал Николай Семенович.

В знаменательную годовщину стихи были оглашены. Вот они, эти строки:

Я хочу, чтоб в грядущие годы,
Откликаясь на времени зов,
Новым грозам, горам и народам
Ты читал свои строки, Мирзо!

Чтобы снова дорога кружила,
К тишине и покою глуха,
До конца чтобы с нами дружила
Восходящая сила стиха!

И действительно, с каждым годом, до самого последнего вдоха была с ним рядом восходящая сила его творчества.

А в памяти навсегда остается трогательная дружба двух великолепных поэтов — сына России Николая Тихонова и сына Таджикистана Мирзо Турсун-заде. Это пример дружбы, в которой, как в капле воды, нашло отражение творческое единство и взаимопонимание, честность во всем. Это пример мудрой простоты и бескорыстности, умения вдохновлять друг друга, радоваться успехам друзей. С какой любовью всегда говорил Мирзо о творчестве таджикских писателей!

Как-то Мирзо восторженно читал стихи одного из молодых поэтов Таджикистана.

Тихонов, выслушав их, заметил:

— У тебя, Мирзо, красивая душа. И она сохранится в сердцах твоих друзей.

Какие точные слова!

МОГУЧИЙ ГОЛОС

Азия говорит!
Вслушайтесь в ее голос;
Вслушайтесь в волны реки,
В грохот бурного моря.
Азия пробудилась,
Словно земля раскололась;
Песня о дружбе звучит
На азиатских просторах.

Это строки, написанные Мирзо Турсун-заде в пятидесятые годы. Они как нельзя лучше отражают дыхание того времени. Это был период мощного подъема национально-освободительной борьбы народов и на азиатском континенте. Сбросили цепи колониального рабства Индия, Бирма; здоровые силы в Китае шли по пути прогресса с помощью Советского Союза. Героически отражали натиск империалистов народы Кореи, Вьетнама... Колониализм не хотел без боя сдавать своих позиций; силы агрессии и войны все еще пытались рассматривать азиатские страны как свои владения и стремились использовать богатства этих стран в своих интересах. Они не видели или не хотели видеть поистине огромных, исторических перемен на этом континенте. А эти перемены были грандиозными. Создание Республики Индии, развитие национально-освободительного движения в других странах показывали, что народы Азии, составлявшие половину населения земного шара, становились на путь новой жизни. В этих условиях империалистам было все труднее навязывать Азии свою политику. Враги мира и свободы народов шли на всяческие ухищрения, маскировали свои военные и захватнические планы разговорами о так называемой «помощи» тем или иным странам, трубили о каком-то «союзе» с ними. Но, как писала печать в те годы, невооруженным глазом было видно, что это был бы «союз» ездока с лошадыю. Под флагом «помощи» и «обеспечения взаимной безопасности» империалисты хотели сохранить в своих руках все богатства Азии и получать миллиардные прибыли. В этих условиях ряд прогрессивных деятелей Индии и в их числе видная общественная деятельница Рамешвари Неру выступили с предложением созвать в Дели конференцию азиатских стран по ослаблению напряженности в международных отношениях. Эта инициатива была поддержана и всей советской общественностью.

Весной 1955 года Индия торжественно принимала делегатов конференции. В составе советской делегации были Николай Тихонов, Александр Корнейчук, Мирзо Турсун-заде, Илья Эренбург, Анатолий Софронов, Ванда Василевская, академик Евгений Жуков, муфтий Зияутдин Бабаханов и другие советские общественные

деятели. Конференция была весьма представительной. Достаточно сказать, что во главе индийской делегации стояла видная последовательница Ганди — Рамешвари Неру, в делегацию входили председатель Бомбейского комитета партии Индийский национальный конгресс С. К. Патил, видные конгрессмены, председатель муниципалитета Дели Р. Н. Агарвал, представители различных партий.

Вспоминаются апрельские дни 1955 года в Дели. Советская делегация, возглавляемая Н. С. Тихоновым, находилась в центре внимания индийских друзей и участников конференции. Не успели советские делегаты поселиться в гостинице, как поступили предложения о встречах. Особенно настойчиво индийские друзья приглашали на встречу с писателями и артистами стран Азии. Вьетнамская певица Тран Кханх Ван исполнила под гром оваций народную песню, индийский поэт и артист Хариндранат Чаттопадхай спел созданную им на конференции новую песню рыбаков. То и дело раздавались голоса: «Просим советских гостей»... К микрофону подошел Мирзо Турсун-заде. Наступила мертвая тишина.

— Я прочту вам стихи... Но вначале скажу от себя и от имени своих друзей, как мы счастливы быть сегодня в благословенной Индии, среди вас, наши братья и сестры.

Толпа восторженно загудела. Мирзо смутился, но быстро собрался и продолжал:

— Я люблю Индию с самого детства, ведь в моем родном селе в Таджикистане, где я родился, жили несколько семей индусов. Это были самые добрые друзья наши. С тех пор в моем сердце любовь к Индии. Я много писал об Индии и буду еще писать...

И снова гул одобрения.

— А теперь буду читать стихи об Индии, из цикла лирических миниатюр. Послушайте одну, «Висячий сад».

Сад я видел в Бомбее,
висящий над зеркалом вод,
Описать невозможно
его несказанных красот.
В изумрудной воде
день и ночь отражается он,
То сиянием солнца,
то светом луны напоен.
Из ветвей, как живые,
изваяны львы и слоны,
Птицы сказок старинных
из листьев изображены.
Чьи искусные руки
соткали волшебный ковер?
Весь в росе, словно в жемчуге,
дремлет древесный узор.

То два сада. Зеленый один,
и другой голубой;
Сад один в высоте,
а в зеркальном заливе другой.

Вдруг железный корабль чужеземный
с заката приплыл
И тяжелой броней
отражение сада разбил.

Этих чуждых людей
разве в гости ты звал, Хиндустан?
Иль тебя охранять
переплыли они океан?

Придавили, взмутили
лазурь твоей чистой волны,
Черной тенью покрыли
лицо твоей ясной луны.

— Еще, еще! — раздавались голоса.

И Мирзо продолжал читать стихи о мире, о братстве народов. Казалось, его не отпустят. Но было уже поздно. Предстояло открытие конференции. Гость из Таджикистана в тот день покорила своими стихами сердца и хозяев и всех гостей.

Конференция открылась в приподнятой, радостной обстановке. Пожалуй, об этом выразительней всего сказал друг Мирзо Турсун-заде индийский поэт Али Сардар Джафри:

«Для народов Азии, как и для народов всех континентов, мир — это не только гуманная идея, но и политический призыв. Он означает не только спасение человеческих жизней, но и защиту недавно обретенной нами свободы — свободы, наступившей после векового иностранного господства.

...Родилось великое чувство единства азиатских народов. Сегодня это ярко продемонстрировано в саду Делийского конституционного клуба, на открывшейся здесь конференции общественности азиатских государств.

Индийцы принимают в своей стране не кровавых носителей войны и захватчиков из далеких земель, а друзей, поэтов, философов... Это простые люди из Японии, перенесшие на себе дважды атомные взрывы. Это вьетнамцы, сирийцы, монголы, посланцы азиатских республик Советского Союза. Участники конференции олицетворяют пробудившуюся Азию, которая более никогда не покорится и не будет сломлена...

Над головами делегатов конференции развеваются флаги азиатских государств. Слышен шелест многоцветных шелковых

полотен и изящных национальных одеяний. Ветерок подхватывает многоязычный говор на хиндустани, китайском, японском, корейском, вьетнамском, арабском, русском... И все это вместе мощная симфония, звуки которой говорят поджигателям войны, кто бы они ни были: «Вы не сможете растоптать благоухающие и яркие цветы, вам не удастся подрезать взметнувшиеся ввысь крылья и потушить серебряный свет луны. Наша клятва дружбы сильнее, чем все атомные бомбы, вместе взятые».

И на этот раз с яркой речью выступил Мирзо Турсун-заде. Он посвятил ее проблеме культурных связей между народами Азии, рассказал о достижениях Таджикистана за годы Советской власти. Рассказывал он и о том, как рад был его народ встретить на своей земле дружественные делегации из стран Азии. Свое выступление он закончил словами: «Сейчас все народы мира, в том числе народы Азии, решительно отвергая планы войны, хотя и идти по широким, светлым дорогам дружбы, мира и творческого сотрудничества стран. Свидетельством этому является конференция азиатских стран, созванная здесь, в Дели — столице великого миролюбивого индийского народа». Весомо прозвучал на конференции голос советских представителей, которые заявили о своей решимости крепить узы дружбы и мира со всеми народами азиатского континента. Конференция приняла важные решения. От имени своих народов делегаты твердо заявили, что они отвергают путь агрессии и военных провокаций, путь междоусобной борьбы, на который толкают азиатские страны иностранные империалисты. Народы Азии хотят мира, единства, национальной независимости, взаимного сотрудничества.

Представительница Индии Рамешвари Неру сказала: «Мир также необходим для жизни наших народов, как пища и вода для жизни человека». Вот почему делегаты конференции с особой силой подчеркивали, что ни один народ не может ныне вести борьбу за мир в одиночку. Жизнь и развитие каждой страны неотделимы от всеобщего мира и сотрудничества в Азии и во всем мире. Конференция в Дели сыграла поистине важную роль в процессе консолидации антиимпериалистических сил континента. Начавшись как региональная, она явилась первым форумом солидарности народов Азии. На ней был создан международный Комитет солидарности стран Азии. Она обратилась к общественности азиатских стран организовать национальные комитеты солидарности. Решения конференции, ее призыв крепить единство народов Азии со всеми народами нашел горячий отклик в Советском Союзе.

Вскоре в нашей стране общественные организации, в их числе Советский комитет защиты мира, выражая стремление нашего народа к расширению связей с народами Азии, приняли решение создать Советский комитет солидарности стран Азии.

Собрание общественности проводил Николай Семенович Тихонов. Он предложил избрать председателем Советского комитета солидарности стран Азии Мирзо Турсун-заде. В состав Комитета вошли представители всех советских республик Средней Азии, Казахстана, Закавказья.

Там же, на собрании, по предложению Мирзо Турсун-заде в Комитет был избран и Николай Семенович Тихонов.

Принимая бразды правления новой общественной организации СССР, ее председатель сказал в заключение:

— Я понимаю, какую ответственность вы возложили на меня. Это будет нелегкая ноша, но я обещаю вам нести ее с честью.

Это был призыв к действиям, к большой работе. И с каждым днем все заметнее чувствовалось, что новый Комитет набирает силу, выступает с новыми инициативами.

Перелистываю свои отрывочные записи 1956 года. В одной из них сказано: «Была встреча деятелей вновь созданного Комитета. Говорили о перспективах работы, о том, какие зарубежные делегации следует пригласить. Тут же родилась мысль войти с предложением заняться и другим континентом — Африкой.

«Что ж, — заметил тогда Мирзо, — мы расширим свои горизонты! Дойдет черед и до Африки».

Мне, принимавшему участие в той встрече, понятны были эти слова. Зрели новые идеи, новые планы. «Первым, кого нам надо пригласить, — сказал Мирзо, — это Фаиз... Ему надо послать приветственную телеграмму...»

И поскольку зашла речь о Фаизе, мне хотелось бы подробнее сказать о дружбе советского и пакистанского поэтов.

Однажды Турсун-заде во время его пребывания в Швеции спросили, богатый ли он человек.

Мирзо ответил:

— Я очень и очень богатый...

— И что же у вас имеется, поместье, много денег? — любопытствовал молодой шведский журналист.

— Больше, чем кипы денег...

— Тогда что же это такое?

— У меня великое множество друзей на земле. Дружба с хорошими людьми — самое великое мое богатство.

Швед смутился, а потом приглушенно сказал:

— Вы, оказывается, шутник, а впрочем, я вас понимаю...

Этот эпизод Турсун-заде вспоминал не однажды, когда заходила речь о новых поездках, о встречах с зарубежными гостями. К нему в Таджикистан, в Москву, на улицу Кропоткинскую, 10, шел поток писем.

Действительно, у Мирзо было очень много друзей, особенно в странах Азии и Африки. Он рассказывал мне, как во время своей

первой зарубежной поездки в Пакистан он познакомился там с Фаизом Ахмад Фаизом. С первой же встречи и удивительно простой беседы они прониклись друг к другу симпатиями. В один из дней пребывания в Пакистане Фаиз пригласил Мирзо принять участие в поэтическом состязании. Этот обычай давно существует в Пакистане: поэты один за другим показывают свое поэтическое мастерство. Фаиз всегда пресуежал в таких состязаниях. И вот оно началось. Фаиз стал читать свои стихи, а затем стихи Саади и Омара Хайяма. Он читал и стихи, посвященные борьбе против колониального угнетения. И не раз здесь присутствующие повторяли вместе с поэтом последние строки. Фаиз представил слушателям гостя. Его встретили дружелюбно. Мирзо объявил, что будет читать стихи о своей родине — Таджикистане, о любви. Он читал на родном языке. Перевода не потребовалось. Все радовались тому, что гость нашел взаимопонимание с аудиторией. Об этом говорило и то, что слушатели нередко скандировали последние строки стиха. Это поэтическое состязание помогло навсегда скрепить дружбу двух замечательных поэтов. Мирзо пригласил Фаиза приехать в Таджикистан. Трогательным было их расставание.

После возвращения на родину Турсун-заде часто вспоминает свою пакистанскую поездку, пытается переводить произведения друга. Он ознакомился с первым сборником его стихов «Печальные узоры». Он пишет другу и просит прислать новые произведения, чтобы с ними могли широко ознакомиться советские читатели.

Из Пакистана приходили вести о добрых делах Фаиза. Он возглавил ассоциацию прогрессивных писателей. Был одним из организаторов и руководителей Движения сторонников мира в Пакистане. В стране проходят митинги, демонстрации против угрозы новой войны. Как и в других странах, по всему Пакистану был организован сбор подписей под знаменитым Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия.

Вскоре стало известно и о начавшемся преследовании в стране сторонников мира. В 1951 году Фаиз был арестован и брошен в тюремный застенок. Из тюрьмы доходят его стихи.

По всему миру прокатилась волна протеста против варварских действий пакистанских властей. Помню, как срочно приехал в Москву взволнованный Турсун-заде. Он пишет гневную телеграмму протеста, подписанную видными советскими деятелями культуры, выступает по радио... Еще долгих четыре года Фаизу пришлось томиться в застенках. В 1955 году он вышел из тюрьмы. При первой же возможности Фаиз приезжает в Советский Союз и, конечно, встречается с друзьями, с Мирзо Турсун-заде.

Начинается их долгая совместная деятельность по объединению писателей стран Азии и Африки. Она принесла свои плоды. Это движение впоследствии принимает свои организационные формы, оно привлечет многих и многих писателей двух континентов к участию

в борьбе за ликвидацию колониализма, против опасности ядерной войны, за установление взаимопонимания между народами всех континентов.

Турсун-заде был человеком, который не останавливался на полпути, его девизом было: всегда идти вперед. Он много думал о будущем.

Все чаще на встречах, заседаниях он говорит о поднимающейся во весь рост Африке, о необходимости расширить наши связи с африканскими странами.

Шли вести о выступлениях деятелей стран Азии и Африки за объединение усилий двух континентов. За это высказывались Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер, Секу Туре, Кваме Нкрума. Об этом говорили Агостиньо Нето, Амилкар Кабрал...

Народы двух континентов чувствовали необходимость объединить свои усилия в борьбе за национальную независимость и прогресс.

И когда возникла идея проведения конференции солидарности народов Азии и Африки в Каире, ее поддержала и советская общественность. Мирзо Турсун-заде как бы выразил чувства всех советских людей, сказав в своей новой поэме:

И со всех континентов несутся приветы добра.
Браво, Африка-друг!

Браво, Африка — наша сестра!
Мы с тобою навек!

Наша дружба крепка и верна!
И настанет пора, и ответит на это она:
— О друзья мои, радуйтесь вместе со мной —
Я свободна!

Последний окончился бой!

В столице Египта Каире было решено провести 1-ю конференцию солидарности народов Азии и Африки. Она состоялась в конце декабря 1957 — начале января 1958 годов. Ее состав, как и конференции в Дели, был весьма представительным. Особое внимание к работе конференции проявил президент ОАР Гамаль Абдель Насер. Он выступил на конференции с речью, в которой призывал крепить единство действий со всеми странами, Советским Союзом, другими странами социализма. Как показала жизнь, оно стало важным общественно-политическим фактором антиимпериалистической и национально-освободительной борьбы, объединив в своих рядах представителей национально-демократических партий, национально-освободительные движения и организации.

Несколько дней работала конференция в Каире. В ней участвовала авторитетная советская делегация.

Выступления советских представителей были приняты с огромным воодушевлением. В них нашла отражение неизменная миролюбивая политика Советского Союза, его готовность и решимость поддержать борьбу всех народов против империалистических агрессоров. Они поддержали идею объединения общественных сил двух континентов. Вспоминаю, как в перерывах к советским представителям подходили делегаты, жали им руки, выражали свои симпатии.

Несколько дней работала конференция. Шли жаркие дискуссии в комиссиях. Проводились встречи с делегациями стран Азии и Африки, высказывались пожелания о налаживании контактов, о поездках в Советский Союз.

В один из дней работы конференции советскую делегацию пригласил на прием президент Гамаль Абдель Насер. Беседа была задуманной, президент выразил глубокое удовлетворение выступлениями советской делегации. Он посоветовал побывать в разных городах страны. Мы воспользовались этим приглашением и побывали в Александрии, в Порт-Саиде. Везде арабские друзья встречали нас как желанных гостей.

В своих кратких записках за 1958 год я нашел следующую запись:

«Новый 1958 год встречали на египетской земле. Первый тост провозгласили за нашу Советскую Родину, за нашу великую партию коммунистов, за новые успехи в борьбе за мир и солидарность. Все были довольны успешным ходом конференции, несмотря на попытки определенных сил нарушить ее монолитность. Особенно приятно было отметить, что наша советская делегация была в центре внимания участников конференции... И в том, что конференция шла успешно, была, несомненно, и большая заслуга советской делегации.

В Каире был продемонстрирован дух братства и взаимопонимания в обсуждении всех стоящих на повестке дня вопросов. Это было большое международное событие. Оно послужило важным этапом укрепления солидарности народов двух континентов».

Важно было и то, что впервые прогрессивная антиимпериалистическая общественность обрела организацию, в рамках которой можно было обеспечить широкий обмен мнениями и сотрудничество по актуальным вопросам национально-освободительного движения.

Мы уезжали из Каира, с конференции двух великих континентов, с чувством исполненного долга. Особенно жизнерадостным был Мирзо Турсун-заде.

РОДНАЯ СТОРОНА

Все, кто знал Мирзо близко, постоянно видели его в работе. Он всегда ощущал дыхание времени, пристально всматривался во все новое, что рождалось на родной земле, во всей стране. Он был страстным путешественником или, как он любил говорить, странником. Его увлекали героические свершения советских людей, что находило отражение в его произведениях.

С каждым годом его поэтический голос мужал и креп, расцветал всеми цветами радуги.

На одном из литературных вечеров его спросили: «Чем объяснить, что вы часто возвращаетесь к одной и той же теме, говоря много о своих родных местах?» Это была записка без подписи. Турсун-заде незамедлительно ответил на нее.

— Да, я беспрестанно пишу и буду писать о своей родной стороне потому, что я ее сын, и буду повторяться, потому что настоящей поэзии не может быть без того, чтобы поэт не воспевал то, что ему близко с самого детства. А мне бесконечно дорог с самого детства мой Таджикистан, солнечная столица моей республики, моя любимая Гиссарская долина...

Я цитирую это по коротким записям, но смысл ответа Мирзо Турсуновича, сколько помню, на вопрос одного из участников литературного вечера был именно такой.

— Мне близки все народы страны Советской. И их я воспеваю и буду воспевать, — продолжал поэт. — Вот послушайте:

О русский народ, о великий народ!
Тебя моя вольная песня поет.
Таджикам ты крылья огромные дал,
Ты замыслы нам неумные дал.
Величем и мужеством славный народ,
Другие народы ведешь ты вперед.

...А между тем полемика продолжалась:

— Я родился в Гиссарской долине, в горном кишлаке Каратаг. Это прекрасное место на земле, лучше которого, кажется, нет... Представьте себе живописное селение, раскинувшееся на берегу шумной речушки, очень быстрой, журчащей. Я часто бываю на этой реке и воспеваю ее каждый раз по-новому.

Однажды, в конце 1956 года, я побывал в Гиссарской долине, в родном кишлаке, и многого не обнаружил, что видел в детстве, и уже, конечно, воспел это по-другому. Это были стихи «Горная река».

У реки, где гул стоял все дни,
Я нашел пристанище в тени.

Мчатся сверху волны, как обвал,
Разбиваясь в пыль у темных скал!

То она — как барс перед прыжком,
То вскипает пенным молоком.

В мерный гул свивается струя.
В шуме ветра слышу радость я.

За стихом пишу я новый стих,
Ветер отшлифовывает их.

Говорю реке: «О, здравствуй, друг,
Ждут тебя сады, поля и луг...»

В семидесятых годах Мирзо вновь побывал в тех же местах и написал новые стихи «Еще о горной речке». Вот как они звучат:

Несется горная река, не думая, летит куда,
В своем стремлении вперед не оглянется никогда.
Благодаря ей степь цветет, преобразаются сады,
И с морем связана рекой крутая горная гряда.
Река, она свой путь взяла с вершин,
 где стылые ветра,
Трав разноцветье, вязь цветов приносит,
 полная добра.
Неугомонна и быстра, и шаловлива, как дитя,—
За нею крепко мать стоит — в сединах белая гора.

— Вы скажете, я повторяюсь. Да, повторяюсь, ибо, как говорится в таджикской пословице: истина остается истиной, и ее нельзя не повторять, даже рискуя надоесть. Стоит ли часто вспоминать о прошлом, о былом, о своем безрадостном детстве, о своей светлой юности, о своей любви к родине! Да, стоит. Без этого нет поэзии...

Он любил встречаться с молодежью, поддерживал начинающих литераторов. Об этой его замечательной черте, пожалуй, стоит сказать особо.

В конце сороковых годов в Центральном Комитете комсомола и Союзе писателей СССР родилась идея проведения Всесоюзного совещания молодых писателей. Эту идею горячо поддержали Александр Фадеев, многие видные писатели в Москве и на местах, в союзных республиках. В дни подготовки к совещанию в ЦК комсомола часто проходили встречи с маститыми литераторами.

С ними советовались, кого из молодых прозаиков, поэтов, публицистов стоит пригласить на совещание, какие их произведения подготовить к печати.

Во многих республиках и областях к тому времени начали выходить молодежные газеты. Мы внимательно знакомились с публиковавшимися на их страницах художественными произведениями.

В один из дней в дом на Маросейке, 3 (ныне улица Богдана Хмельницкого, здесь размещается и по сей день ЦК ВЛКСМ), приехал Мирзо Турсун-заде. Я, тогда возглавлявший отдел печати, с радостью встретился с поэтом, уже широко известным в стране. Мне приятно было увидеть наяву поэта, которого уже знал по его произведениям, переведенным на русский язык. Поэзия Турсун-заде покорила меня своей лиричностью, широтой и глубиной мысли. Видно было, что на нашем литературном небосклоне всходила новая звезда.

Поэт вдохновенно откликался на события времени. Палитра красок его поэзии была многообразна. Он воспевал не только большие, поистине эпохальные изменения в своем родном Таджикистане, но и во всем мире. В «Индийской балладе» его привлекает тема международная, он рисует борьбу индийского народа за свою свободу и независимость. Баллада как бы является для него открытием колониального Востока, который распрямлял свои могучие плечи. Героями произведений поэта стали простые, раскрепощенные, свободные люди.

Одно за другим появляются произведения поэта, в которых затрагиваются темы, волнующие людей, — тема минувшей войны, тема мира. В поэме «Невеста из Москвы» рассказывается о великом содружестве народов многонациональной Советской Родины.

Во время этой встречи я высказал свое доброе отношение к поэзии Турсун-заде, заметив при этом, что в Таджикистане у него есть немало последователей, его воспитанников.

Глаза его как бы озарились. Он с восторгом стал подробно рассказывать о начинающих поэтах Таджикистана, прочел стихи некоторых из них, то и дело приговаривая:

— Не правда ли, подает большие надежды?

Перелистывая в папке страницы, читал вновь и вновь стихи молодых и переспрашивал:

— Не правда ли, подает надежду? Пожалуй, будет толк?

С помощью Мирзо Турсун-заде было рекомендовано пригласить на совещание молодых, «подающих надежды», таджикских литераторов. Он обещал вместе с ними приехать в Москву, участвовать в семинаре поэтов.

В ту первую встречу Турсун-заде покорила меня своей простотой, своей заинтересованностью судьбами людей. И мне невольно припомнилась любопытная полемика поэта на литературном вечере.

Мирзо и тогда, во время нашей первой встречи, и в последующие приглашал приехать в Таджикистан. Хотел обязательно повезти в Гиссарскую долину, в родной Каратаг. Но так складывались обстоятельства, что мне не удавалось воспользоваться любезным приглашением. Это мое давнее желание наконец сбылось...

Перечитываю свои краткие записи шестидесятого года:

«Душанбе... Солнечный город нашего друга и соратника Мирзо Турсун-заде, опоясанный горами. Наконец-то я осуществил свое намерение побывать на земле Таджикистана. Находился здесь несколько дней на конференции солидарности с народами Азии и Африки. После конференции Мирзо пригласил группу гостей к себе домой. Были тут индийские друзья и другие зарубежные гости. Прямо-таки продолжение конференции. Давно не слышал такого душевного разговора. Мирзо много говорил об Индии, о красоте своей родной стороны. Не знал за ним высоких качеств прекрасного тамады...»

На этом мои записи обрываются. Но как сейчас вижу Таджикистан тех дней, людей, прибывших сюда на конференцию солидарности с народами Азии и Африки.

После каирской встречи движение солидарности с народами двух континентов в нашей стране приняло еще больший размах, проводились массовые встречи с делегациями, приезжавшими из различных стран, начинал широко разворачиваться сбор средств в поддержку борющихся народов. В Москве часто собирался Комитет, руководимый Турсун-заде.

На одном из его заседаний обсуждался вопрос о необходимости созыва Советской конференции солидарности с народами Азии и Африки.

— Разумеется, проведем конференцию в Москве, — заметил Турсун-заде.

— Хорошо было бы провести ее в Душанбе, — предложил один из участников встречи. — Там живет наш председатель, и поскольку у нас будут зарубежные гости из Азии и Африки, они могут посмотреть, как живет народ Таджикистана, познакомиться с его успехами, культурой.

— Предложение следует обсудить, надо спросить руководителей Таджикистана, посоветоваться в Центральном Комитете партии республики, — ответил Турсун-заде.

Было решено подготовить предложение о сроках и месте проведения конференции в Таджикистане.

Турсун-заде улетел в Душанбе. Не прошло и нескольких дней, как он уже снова был в Москве. На срочно созванном заседании Комитета Мирзо Турсунович подробно докладывал свои соображения по проведению конференции.

Центральный Комитет партии и правительство Таджикистана горячо поддержали эту инициативу. Надо ли говорить, как это вдохновило Турсун-заде. Он ходил окрыленный, подробно обсуждал

со своими товарищами, кого надо пригласить из-за рубежа, каков должен быть состав делегаций. Одним словом, все было в движении. То и дело раздавались звонки, приходили люди. Турсун-заде успевал вести с ними беседы, оживлялся, когда слышал ценные пожелания, советы.

В конце сентября 1960 года, когда были закончены в Москве все приготовления, он улетел в Душанбе, чтобы, как он сказал нам, был «обеспечен полный порядок».

Как потом нам рассказывали таджикские друзья, Мирзо Турсун-заде не давал покоя никому. Почти каждый день его видели в Центральном Комитете партии республики, он осматривал места, где должно было проходить заседание, намечалось размещение делегатов и гостей. Он побывал в колхозах и совхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, где предполагались встречи трудящихся с делегатами.

За два дня до конференции раздается звонок:

— Душанбе ждет гостей. Все готово...

И вот мы летим в Душанбе. Стоял солнечный октябрьский день. Не успели мы спуститься по трапу, как попали в объятия таджикских друзей. Я увидел Мирзо Турсун-заде с охапкой роз. Как истый джентльмен, он вручал цветы женщинам, нашим зарубежным гостям. У здания аэровокзала, тогда еще небольшого, состоялся импровизированный митинг. Выражая мнение народа республики, Турсун-заде, приветствуя делегатов, пригласил их чувствовать себя как дома, ближе познакомиться с жизнью республики.

А потом была конференция. Она началась и проходила в торжественной и деловой обстановке. Мы слушали яркий доклад Турсун-заде, приветствия гостеприимных хозяев, пионеров и молодежи. С большой теплотой встречали зарубежных гостей. Были горячие выступления делегатов, во всем царил дух взаимопонимания.

На конференции был разработан и принят план практических действий Комитета в поддержку национально-освободительного движения. В выступлениях советских делегатов прозвучал голос всех народов СССР, твердых сторонников свободы народов Азии и Африки и ликвидации позорной системы колониализма и угнетения. Единодушно был избран новый состав Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В него вошли представители различных кругов советской общественности, представители всех республик. Делегаты поручили Комитету строить свою работу в тесном взаимодействии с другими общественными организациями, не жалеть усилий для расширения и установления связей с зарубежными организациями, выступающими за мир, в поддержку национально-освободительной борьбы народов.

Осталось в памяти заключительное заседание конференции в Душанбе. Оно было поистине вдохновляющим. Председательствующий заявил тогда, что Советский комитет солидарности стран Азии

и Африки, выражая позицию миллионов советских людей, сделает все от него зависящее, чтобы морально, политически и практически неустанно помогать всем борцам за свободу, независимость и мир в их справедливой священной борьбе. Народы получали и будут получать бескорыстную братскую помощь и поддержку советского народа! — таков был пафос конференции.

Когда делегаты и гости покидали зал заседаний, я подошел к Мирзо и поздравил его с успешным завершением конференции. Он ответил:

— Это не моя заслуга, это заслуга всех наших товарищей, всей республики, хотя и крупица моего труда в труде моего народа тоже есть.

Я видел и в эту минуту человека скромного и в то же время гордого, довольного тем, что он причастен к успехам нашего общего святого дела — борьбе за мир и солидарность народов. Приятно было поздравить Мирзо Турсун-заде с избранием его вновь председателем Комитета.

...На протяжении многих лет я знал Мирзо Турсуневича как заботливого отца и мужа. Он не раз вслух признавался, что горячо любит свою семью, своих детей. Возвращаясь на родину из Москвы или зарубежных поездок, он нагружал себя подарками для жены, игрушками для детей. Сокрушался, что, часто отлучаясь из дома, мало уделял внимания воспитанию своих ребят. Нередко восхищался своей дочерью, которая мечтала стать философом. «Представьте себе, в таджикской семье будет свой философ. Какое это будет подспорье в поэтической деятельности отца», — шутил он.

Мне, признаться, приходилось быть накоротке знакомым с семьей Мирзо Турсуневича. И вот теперь мне, находящемуся в Душанбе, представилась возможность познакомиться еще ближе. Вместе с группой гостей и советских товарищей я был приглашен на семейный ужин в дом Мирзо Турсун-заде. Мы приехали уже к вечеру, познакомились с семьей. Мирзо усадил всех за стол, уставленный дарами таджикской земли. Хозяин был весел, шутиво представил свою семью. О жене сказал: «Это моя дорогая мученица. Она корит меня за то, что так мало бываю дома и все странствую. И все странствую. Пусть она простит меня за это. Ради чего я странствую, я расскажу в поэме, в которой поведаю обо всем».

Мирзо действительно написал такую поэму, «Дорогая моя», посвященную своему другу — жене. В ней он размышляет о смысле жизни, о гражданских идеалах и убеждениях...

О каждом из участников «пиршества» Мирзо скажет доброе, задушевное слово. В этот вечер он особо пространно и сердечно говорил об Индии, об индийских друзьях, находившихся в его доме. Как сейчас, помню рассказ Мирзо о своих встречах с Индией. Сидящий

рядом с ним индийский писатель, сложив руки на коленях, внимательно слушал хозяина дома.

Мирзо напомнил, что во время своей первой поездки он находился в Индии целый месяц. Он объездил страну из края в край, был в Дели и Бомбее, в Калькутте и Амритсаре. Многого увидел в стране поэт. Она поразила его своей многоликостью. Он почувствовал стремление народа к свободе и независимости и поразился нищете, оставленной английскими колонизаторами.

Когда приехал домой, по следам живых впечатлений написал цикл стихов «Индийская баллада». Пройдут годы, он побывает еще не раз в Индии, напишет поэму «Святая девушка», расскажет о новой Индии, о том, как на глазах преображалась великая страна, как крепнет дружба советского и индийского народов...

Все, естественно, попросили хозяина дома прочитать стихи об Индии, и он их читал с упоением. Говорили все шумно и весело. Гости восторженно отзывались о конференции, о том, как они счастливы были познакомиться с родиной Турсун-заде, увидеть своими глазами цветущий Таджикистан.

Была уже глубокая ночь, когда мы выходили из дому. Мы шли по улицам Душанбе. Где-то вдалеке сверкали вершины гор. Хозяин дома провожал гостей. В конце улицы он остановился и, обращаясь к гостям, сказал:

— Вот там, совсем недалеко, горделиво возвышаются Гималаи. А за ними раскинулась ваша родина, наша сестра Индия,— обратился он к индийским друзьям и добавил: — Жмем твою руку, Индия...

Мы все невольно вслед за Мирзо протянули руки в сторону Гималаев.

Это было символическое рукопожатие с близкой всем нам дружественной Индией. На таджикской земле мы обнимались с индийскими друзьями.

— До скорой радостной встречи,— сказал на прощание Мирзо.

Сегодня, спустя много лет, мне видится ночной Душанбе — столица Таджикистана. Видится мой друг, окруженный друзьями, на улице Душанбе в лунную октябрьскую ночь 1960 года...

ДОБРОЕ ИМЯ

После конференции в Душанбе председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки с новыми силами принялся за дело. Шли годы один за другим, события за событиями. Росло и набирало силы движение солидарности стран Азии и Африки. Оно активно содействовало сближению национально-освободительных сил с нашей Советской страной, со странами социалистического содружества. После XXIV съезда нашей партии, наметившего величественную Программу мира, умножал свою деятельность и Советский комитет солидарности. Вместе со всеми советскими сторонниками мира он выступил со многими ценными инициативами. В период американской агрессии во Вьетнаме Советский комитет солидарности стран Азии и Африки, как и вся советская общественность, ни на один день не прекращал помощи героическому народу. Один за другим уходили корабли с продовольствием, медикаментами, приобретенными за счет добровольных средств, собранных советскими людьми. Приобретали все больший размах связи с зарубежными странами. В Советском Союзе, как желанных гостей, мы встречали друзей из стран двух континентов. Отправлялись делегации советских борцов за мир в Азию и Африку. Проводились одна за другой конференции, научные симпозиумы, диалоги, организовывались выставки, выпускались плакаты, листовки, создавались произведения на темы мира и солидарности. Родилось движение солидарности писателей стран двух континентов. Мирзо Турсун-заде принимал в нем самое деятельное участие. Состоявшаяся в Баку 2-я Советская конференция солидарности с народами Азии и Африки дала новый импульс движению, как и другие, последующие конференции. Созданы были и начали действовать комитеты солидарности в ряде союзных советских республик.

До самой своей кончины Мирзо вместе со своими коллегами по Комитету стремился к усилению его деятельности. Этого требовала и сама обстановка в мире. Все чаще появлялись на страницах печати заявления Комитета, гневно осуждающие и разоблачающие преступления агрессоров против борющихся народов Азии и Африки, арабского Востока. Мирзо Турсун-заде никогда не забывал напоминать в своих публицистических статьях, выступлениях по радио, на пресс-конференциях об опасности ядерной войны, о необходимости всемерно расширять фронт солидарности с народами, отстаивающими свою свободу и независимость. «Берегись огня, будь бдителен!» — предупреждал поэт. Он думал о будущем, далеко смотрел вперед, верил в победу нашего правого дела.

Дорога в будущее, напоминал он, это путь к миру, к счастью, к вершинам созидания, путь к солидарности в борьбе против империализма.

В мае 1976 года за плодотворную деятельность Советский комитет солидарности стран Азии и Африки был награжден орденом Дружбы народов. Приятно сознавать, что в этом есть и частица труда нашего друга Мирзо Турсун-заде. И еще радостней становится оттого, что движение за мир, солидарность народов стали поистине всемирными.

Став боевой, широкой, жизнедеятельной советской общественной организацией, Советский комитет солидарности стран Азии и Африки умножает свои боевые традиции. Его возглавляет ныне боевой друг и соратник Мирзо Турсун-заде, известный азербайджанский писатель Герой Социалистического Труда Мирза Ибрагимов. В нем трудятся многие видные советские ученые, деятели культуры, представители широких кругов советской общественности.

Движение народов всех континентов, выступающих против милитаризма и агрессии, за прочный мир на земле, стало знаменем нашего времени. Это с огромной и убедительной силой показала состоявшаяся 27—29 сентября 1984 года в столице Советской Грузии Тбилиси 5-я Советская конференция солидарности с народами Азии и Африки. Мне довелось быть ее участником, как и всех предыдущих.

На благословенной грузинской земле встретились представители всех республик нашей многонациональной страны. Было здесь много и зарубежных гостей, прибывших более чем из 70 стран. Я увидел в Тбилиси много ветеранов борьбы за национальное освобождение. Их выступления, встречи с ними были трогательными и незабываемыми. Взволновала меня беседа с мужественным человеком, неустрашимым героем из Южной Африки Эндрю Машабой. 15 лет он находился в заточении. На себе познал ужасы тюремного заключения. Его преследовали и посадили в тюрьму только за то, что он выступал за освобождение своей родины от колониального господства.

— Как я счастлив, что нахожусь на советской земле. Мне хочется бесконечно говорить с советскими людьми, нашими истинными друзьями. Я вижу своими глазами счастливый мир социализма...

Машаба на минуту смолкает, переводит взгляд на утопающий в разноцветных огнях Тбилиси и заключает нашу беседу:

— До конца жизни буду сражаться за свободу своей Африки. Уверен, мы победим, ведь нашим другом является великий Советский Союз...

Выступая с трибуны конференции, наши друзья выражали глубокую благодарность Советскому комитету солидарности стран Азии и Африки и всей советской общественности за активную поддержку национально-освободительной борьбы народов. Они высказывали глубокую признательность партии Ленина за мудрую внешнюю миролюбивую политику, за решимость предотвратить угрозу ядерной войны.

С большим интересом участники конференции встретили выступления кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Грузии Э. А. Шеварднадзе.

Волнующими были минуты, когда Э. А. Шеварднадзе сообщил, что Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко передал участникам и зарубежным гостям конференции приветствия и добрые пожелания. Константин Устинович выразил уверенность в том, что нынешняя встреча посланцев движения солидарности многих стран явится важным стимулом для активизации борьбы против агрессивных происков империализма, за упрочение независимости народов, международной безопасности и всеобщего мира.

Конференция обсудила и наметила пути к предотвращению ядерной катастрофы, борьбы с империализмом, с политикой апартеида.

Участники конференции, одоблив деятельность Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, направили письмо в адрес Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища К. У. Черненко. Было принято обращение к народам Азии и Африки.

Вместе с грузинскими друзьями после окончания конференции мы шли по прекрасным улицам Тбилиси. Кто-то вспомнил Мирзо, и мне подумалось, как бы он радовался встрече с друзьями, успехам форума солидарности с народами двух великих континентов, проходившего на земле Советской Грузии...

Нет уже в наших рядах Мирзо Турсун-заде. Но его славные дела во имя свободы народов, его прекрасная крылатая поэзия облетели многие страны планеты. Он пророчески писал:

...Мир надежного счастья мы строим не зря.
И зовут нас вершины, как солнце, горя.

Лезь вперед по горам за победою, друг!
И, как реки, бурли, цель преследуя, друг!

И тогда совершишь восхождение ты,
Чтобы новой вершины увидеть черты.

С каждым годом поэзия Мирзо Турсун-заде достигала новых вершин. Она, как и отмечала критика, ярко отразила великие перемены в жизни Таджикистана, всей нашей многонациональной Советской страны, становилась голосом пробуждающегося Востока. Не могу не вспомнить, что нам доверено выполнить благородную задачу юбилейного Ленинского года. Белоснежный пик Столетия Ленина, в туре которого установлена мемориальная доска со словами из Ваших стихов о Ленине, гордо возвышается на стыке трех хребтов Памира». Поэт гордился этой высокой честью, оказанной ему альпинистами. Он

не раз вспоминал об этой телеграмме. В жизни и в своем творчестве поэт стремился брать все новые высоты.

Талантливые стихи его уже переведены на многие и многие языки. Его поэзия живет и работает во имя счастья людей.

Во всех своих действиях, на всем жизненном пути Мирзо Турсунзаде больше всего ценил в себе, да и в людях, его окружавших, добросовестное отношение к порученному делу. Как-то в одной из совместных поездок за рубеж он рассказывал мне о дне, когда ему вручали партийный билет, свидетельство принадлежности к великой партии Ленина. Это был самый счастливый день в его жизни. Он не раз подтверждал и делами и помыслами, что он коммунист всем своим сердцем, коммунист каждой каплей крови, в каждом действии и слове. Об этом он говорит в своей знаменитой «Клятве», написанной вскоре после конференции в Душанбе.

...Сила Партии в нас,
и могучи мы этою силой.
Утро Мира встает.
Коммунизмом зовут его люди,
Мы в ответе за все —
все, что было, что есть и что будет.
В межпланетную высь
человек поднимается смело —
Это Партия нам поручила великое дело.
Твой я, Партия, сын.
И клянусь, до последнего вздоха
Мое сердце с тобою,
великая гордость эпохи.
Я клянусь тебе, Партия,
быть непреклонным и чистым,
И всегда и во всем быть солдатом твоим — коммунистом!

Славное имя известного советского поэта, пламенного коммуниста, страстного борца за мир и счастье народов никогда не забудется.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэт-гражданин	3
Это было в Париже	10
На разных широтах	19
Красивая душа	22
Могучий голос	28
Родная сторона	36
Доброе имя	43

Михаил Иванович КОТОВ

ДОБРОЕ ИМЯ

Редактор Л. М. Наточанная

Технический редактор О. Н. Ласточкина

Сдано в набор 21.09.84. Подписано к печати 28.11.84. А 00463. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,89. Усл. кр-отт. 2,28. Тираж 90 000. Изд. № 3009. Зак. № 3566. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Сотни тысяч человек постоянно занимаются оздоровительным бегом на стадионах, построенных и реконструированных с помощью доходов лотереи «Спортлото».

Каждый участник этой популярной лотереи вносит свой вклад в развитие физкультуры и спорта, помогает спортивному строительству.

Тиражи лотереи «Спортлото» проводятся по субботам. Каждый билет лотереи участвует в тираже двумя вариантами номеров. Он считается выигрышным, если с результатами тиража совпадут не менее трех номеров в одном из вариантов. Выигрыши от трех до 10 000 рублей.

Желаем вам, дорогие друзья, удач в игре, успехов в физкультуре и спорте.

Главное управление спортивных лотерей Спорткомитета СССР